

Ещё один шаг

Тору Мотидзуки

С момента возвращения в Пекин прошло не так уж и много времени, как говорил календарь, с которым Тору был в корне не согласен. По его собственным ощущениям, он уже целую вечность возвращался после работы в атмосферу жуткого уныния и безысходности. Яреци старалась вести себя, как и раньше, но Тору частенько замечал у жены красные глаза, лишь усугубляющие ее и без того измученный вид. И все это безумно на него давило, заставляя чувствовать к ней жалость и, при этом, жутко беситься из-за образа жизни, который она последнее время вела. Даже Кимико, казалось, чувствовала разлад родителей, хныча чаще обычного и, тем самым, заставляя его чувствовать вину перед ребенком за свою неспособность обеспечить дочери нормальное счастливое детство.

Сегодняшний день не стал исключением из череды серых выматывающих будней. Его первую половину он провел в университете, согласовывая свое расписание на будущий учебный год, а вечер собирался потратить на работу в языковом центре, пока с удивлением не обнаружил, что его занятия на сегодня и завтра были отменены, благодаря чему он получал свободный следующий день, поскольку его додзе сегодня закрылось на небольшой ремонт. И если раньше такое стечение обстоятельств Тору посчитал бы подарком, позволяющим провести время с семьей, то сейчас подобное казалось ему настоящим наказанием, запирающим его в жуткой атмосфере некогда любимой квартиры.

Так что, когда ему предложили воспользоваться ситуацией и сходить на корпоративный ужин, который, вероятнее всего, должен был перерасти в корпоративную попойку, он впервые за долгое время согласился, написав Яреци сообщение о том, что будет дома поздно. Тору не слишком горел желанием проводить вечер с коллегами из языкового центра, но на данный момент это показалось ему лучшим вариантом из имеющихся, поскольку позволяло морально подготовиться к следующему непростому дню.

Тору Мотидзуки

Ее звали Илма Шрёдер, и ее выраженный немецкий акцент, с начала вечера сильно режущий ухо, с каждым новым опустошенным стаканом виски все больше его забавлял. Она недавно устроилась в языковой центр и уже успела привлечь к себе внимание мужской части коллектива своими длинными ногами, густыми светлыми волосами и впечатляющим размером груди. Ей было немного за тридцать, и она была разведена, поэтому могла позволить себе покинуть Германию и отправиться работать в Китай, чтобы лучше познакомиться с восточной культурой, вопросами о которой она его и засыпала, словно бы случайно оказавшись с ним на одном диванчике.

Тору так до конца и не понял, как получилось, что он отправился провожать ее до дома, когда вечеринка окончилась. А уж тот момент, когда он согласился подняться в ее квартиру и вовсе ускользнул из памяти, стоило ему переступить чужой порог, поскольку его моментально вытеснили горячие женские прикосновения и сладкий

запах духов. Тору уже давно спал отдельно от Яреци и старался избегать с ней любых контактов, поэтому на какой-то момент поддался наваждению и включился в "игру", полную животной похоти. Расстегнутая одежда, касание горячих мягких губ, заманивающих его все дальше... И острое чувство мерзости всего происходящего, накрывшее его ровно в тот момент, как они уже практически оказались на разобранной и словно приглашающей кровати.

Наверное, никогда он с такой скоростью еще не застегивал свою рубашку, с каким-то особым болезненным чувством замечая отсутствие на руке обручального кольца, снятого им вскоре после всей этой истории с временным помешательством жены. Но даже несмотря на семейные проблемы, чуть было не произошедшее казалось ему грязным неправильным. Чтобы там у них не случилось, он оставался мужем Яреци не только документально, но и глубоко в своем сердце, не дающем ему переступить черту, способную окончательно разрушить все, что и так нуждалось в серьезной починке.

Из чрезмерно гостеприимной квартиры Тору выскочил разве что не бегом, практически влетая в первое свободное такси, попавшееся ему на пути, которое, к счастью, довезло его до дома быстро и без приключений. К тому моменту, как он оказался около входной двери, время уже перевалило за полночь, и это рождало надежду, что Яреци уже спит. Ему безумно не хотелось сейчас показываться ей на глаза, но, понимая все бессмысленность толкания возле двери, Тору нашел в себе силы набрать в грудь побольше воздуха и повернуть ключ в замочной скважине, противно прорезая ночную тишину шелчком открывающегося замка.

Яреци Фернандез

Эти дни, что она прожила в Пекине, показались ей вечностью. Она понимала, что нужно что-то делать, что она просто вгоняет себя в могилу, не делая ничего. Ночами, оставаясь одна в гостиной, она плакала. Она старалась не плакать в голос, чтобы не будить Тору и не мешать ему. Она снова начала стесняться своего тела и в ванне оставалась всего на пять минут, прислушиваясь к голосам. Сейчас Тору снова пропадал на работе, и забота о маленькой дочке теперь была полностью на ней. Она боялась, что малышка будет плакать. Она не имела права оставлять её.

Ей было страшно, очень страшно. Она боялась, что никогда не сможет вылезти из этого состояния. Она каждое утро видела Тору, она каждый вечер видела мужа. Но не видела на его руке обручального кольца. Его не было, он снял обручальное кольцо. Он разведётся с ней, прогонит её, отнимет дочку, и она её больше никогда не увидит. Она не сможет вернуться в монастырь. А вдруг теперь доверия уже нет к ней, и монастырь спрячется от неё, когда она захочет туда попасть? Что ей тогда делать?

Она каждую ночь просматривала фотографии со свадьбы. Она любила Тору, любила очень сильно. Но ей казалось, что ему очень неприятно находиться с ней. Поэтому она и не лезла. Просто каждое утро и вечер смотрела на безымянный палец левой руки, где уже не было кольца.

Сегодня был очень тёплый и хороший день. Может быть и все десять дней до этого были тёплые и солнечные, но она не могла сказать, так ли это. Тору снова ушёл на

работу, а она посмотрела на хныкавшую Кимико. Дочка часто хныкала, и от этого Яреци становилось плохо и страшно. Потому что она неправильная мать, что не может успокоить дочку. Ей казалось, что даже в магазине или на улице на неё показывают пальцем и неодобрительно смотрят. Ей казалось, что ее должны лишить родительских прав. Она накручивала себя, понимая, что ещё немного, и ей станет очень плохо. Но она не могла говорить с ним. Он снова будет переживать. Снова из-за того, что женился на девчонке, которая не может себя держать в руках.

Кимико захотела погулять, и Яреци впервые за эти дни нарядилась и привела себя в порядок, чтобы погулять немного с дочкой и не пугать никого своим ужасным внешним видом. Кимико потащила её в кафе, где выпросила круасан. Яреци выпила чашку кофе и нашла, что этот напиток очень вкусный. Она позволила себе лёгкую улыбку. А потом посадила дочку в коляску, дала ей круассан и направилась гулять дальше. Она не хотела далеко уходить от дома, поэтому просто бродила по улочкам. Иногда останавливалась, чтобы посидеть на лавочке.

А потом она увидела красивый джемпер. Очень красивый джемпер. Представила в этом джемпере, связанном из шерсти толстыми спицами, с незамысловатым узором, Тору, и слабо улыбнулась. Посмотрела на малышку и вошла в магазин. Джемпер оказался двух цветов - бордового и изумрудного. Деушка показала дочке.

- Как ты думаешь, какой папе больше подойдёт? - спросила она. Кимико засмеялась и показала на изумрудного цвета джемпер. - Ты думаешь, ему понравится? Хорошо, давай купим.

Она сложила пакет с покупкой в коляску и направилась дальше гулять. А потом пришло сообщение, что Тору сегодня задержится. Без указания причин. Наверное, на работе какие-то проблемы. Наверное, подарок его порадует по возвращению домой.

Она провела день с дочкой, купала её и уложила спать. Посидела с ней рядом, пока она не заснёт, и, взяв джемпер, направилась в спальню мужа. Осторожно положила на кровать джемпер и очень быстро вышла в коридор. Хотя через минуту вернулась с запиской, на которой было написано "Цвет выбрала твоя (ачёркнуто) наша дочка. Надеюсь, подарок тебе понравится. Люблю". Правда, через секунду она захотела порвать записку и этот джемпер в клочья. Он всё равно не примет от неё этот подарок.

Почему-то стало очень холодно. Она боялась, что Тору действительно разозлится, что она тратит его деньги на подарки ему. Что он подумает? Что она хочет загладить свою вину, подлизаться? Нет, она не хочет подлизываться. Потому что она виновата, сильно виновата. И прекрасно знает, что он её никогда не простит. А в глаза ему она по-прежнему не смотрела. Боялась...

В половине двенадцатого она сильно начала волноваться. Она вертела телефон в руке и порывалась набрать его номер, но скидывала вызов до того, как происходило соединение. Стало страшно. А вдруг с ним что-то случилось? Где-то около двенадцати ночи она позвонила ему, но трубку никто не брал. Она вышла в коридор, не зная, что ей делать. С ним что-то случилось. Он попал в аварию. Его избили. Он лежит где-то в подворотне избитый и раненый. И никто не может ему помочь. и она

не может ему помочь. Потому что она не может Кимико оставить одну.

Но в начале первого ночи дверь открылась, и этот щелчок затвора, показавшийся слишком громким, возвестил о том, что кто-то входит домой. Она вышла из комнаты и посмотрела на вошедшего Тору. Осмотрела его лицо. На нём не было повреждений, никаких ран или ещё чего, и она уже хотела уйти на кухню, чтобы разогреть ему еду, как внимание привлёк запах алкоголя, смешанный с запахом духов. А на вороте рубашки будто насмешливо кричал отчётливый след от помады. Девушка вздрогнула и побледнела. опустила голову, чтобы скрыть выступившие на глаза слёзы.

- Тору... Что случилось? Ты... был с женщиной? - Она сама испугалась своего тона, он был очень сухой и ледяной.

Тору Мотидзуки

Как бы Тору не хотел, чтобы его позднее появление осталось незамеченным, не успел он переступить через порог, как тут же наткнулся на Яреци, которая явно ждала его возвращения. По дороге он пытался привести себя в порядок, чтобы следы его походов не сразу бросались в глаза, но, судя по изменившемуся выражению лица жены, получилось у него не слишком успешно. Да и помимо внешнего вида, запах другой женщины словно впитался в его кожу, напоминая об ошибке, которую он чуть было не совершил, и выдавая его быстрее, чем какие-нибудь следы на небрежно надетой рубашке.

И, естественно, Яреци все поняла, заставляя его, несмотря на проблемы в их отношениях, чувствовать себя последним негодяем, готовым из-за обиды и зова плоти предать любимую женщину. Ведь он так и не переставал ее любить, даже считая их отношения безнадежно испорченными, что и осознал буквально за несколько секунд до того, как окончательно забылся в объятиях горячей европейской красавицы, так сильно отличающейся от его вечно чего-то боящейся жены.

Вопросы Яреци оказались для него настолько болезненными, словно кто-то приложил к его груди раскаленное железо, и Тору просто не нашел в себе сил на них ответить. Наверное, стоило рассказать правду, но сейчас он не был готов к подобным откровениям, желая просто спрятаться в спальне, некогда бывшей их общей. Поэтому, так и не решившись вымолвить ни слова, он просто прошел мимо Яреци в свое пристанище и закрыл за собой дверь, чувствуя к самому себе жгучую ненависть, граничащую с отвращением.

Яреци Фернандез

Тору ничего не ответил и просто скрылся в их спальне, оставив девушку смотреть ему вслед. По щекам стекли жгучие слезы, первые за сегодняшний вечер и тысячные за все эти дни после того, как она напилась. Она плохо помнила, в каком состоянии вернулась домой после того, как напилась в деревне настойки. Кажется, ей было очень плохо, но она боялась даже попросить Тору о помощи. А если бы она попросила о помощи, то... ничего бы этого не было, он бы сейчас ей не изменил. Она боялась узнать правду, что да, он переспал с другой женщиной. Это было очевидным. Ей казалось, что да, он сделал это. Наверное, действительно любому

человеку нужен секс, и если женщина не удовлетворяет мужчину, то он уходит на сторону. Также и женщина. Наверное, она не только не умеет держать себя в руках, занимаясь ментальной магией, разрушая все прекрасное и не помогая никому, но и не умеет возбуждать своего мужчину.

Она ни на что не годится.

Из комнаты Кимико раздался протяжный выдох, и девушка поспешила туда. Дочка повернулась на другой бок и продолжила спать, и Яреци укрыла ее одеялом. Поцеловала в щеку и вернулась в коридор. Подошла к двери в спальню. И робко постучала в дверь.

- Ты, наверное, голоден? Я тебе разогрею еду, - снова сухо сказала она и ушла на кухню.

Тору Мотидзуки

Позорный побег в спальню лишь усугубил чувство отвращения к собственной персоне, и, закрыв за собой дверь, Тору какое-то время просто стоял, прислонившись к ней спиной и пытаясь успокоить бешено колотящееся сердце. Он понимал, насколько его поведение недостойно поведения настоящего мужчины, но пока не мог найти в себе силы посмотреть жене в ее полные боли и, наверняка, заплаканные глаза.

Его взгляд рассеянно скользил на предметах окружающей обстановки и, в какой-то момент, зацепился за яркое пятно на кровати. Тору не сразу понял, что оно из себя представляет, а, разобравшись, вздрогнул, почувствовав себя еще хуже, чем десятью минутами ранее. Записка, приложенная к джемперу только усугубила и без того разгоревшееся со страшной силой чувство вины, ведь от нее веяло любовью и страхами Яреци, которые он так долго старался игнорировать. Но сколько бы Тору не пытался забыть о значимости и ценности для него их брака, приходилось признать, что это было глупой и бессмысленной затеей. Он все еще любил свою жену и просто не мог позволить себе ее потерять, отказав ей в помощи, которая сейчас была так нужна.

Голос Яреци оторвал его от раздумий и заставил руку с запиской непроизвольно сжаться в кулак. По ее тону прекрасно считывалось уверенность в измене мужа, и, к сожалению, в своем предположении она ошибалась не настолько сильно, как ему бы того хотелось. Пусть он не изменил ей физически, все равно сделал это в своей голове, остановившись уже в самый последний момент. И, при таком раскладе, его вина становилась очевидной, как бы тошно от этого не было.

С чувством острой ненависти к самому себе, Тору сорвал пропахшую чужими духами рубашку и бросил ее на пол, мечтая, чтобы под ней разверзлась черная дыра, которая могла бы ее поглотить. А потом, резко развернулся и вышел из спальни, чтобы отправиться на кухню, где около плиты, повернувшись к нему спиной, стояла жена.

- Яреци... - Тору подошел сзади и обхватил ее руками, прижимая к себе. - Прости меня. Я... не спал с ней, но мне все равно нет оправдания.

Тору уже давно не чувствовал тепло родного тела и сейчас больше всего боялся, что Яреци попытается вырваться из его объятий и сбежать, не желая находиться с ним рядом. Но, наверное, он своим поведением это заслужил, чуть было не совершив нечто, способное окончательно разрушить их некогда счастливую семью.

Яреци Фернандез

Сегодня был прекрасный день, и сегодня первый раз она старалась не плакать. А уж когда малышка Кимико попросилась в кафе, чтобы съесть свой любимый круассан, девушка вроде бы вернулась к нормальной жизни. По возвращению домой они зашли в магазин и купили продукты, из которых Яреци сделала вкусный обед - сварила борщ и макароны по-флотски. Дочка ей помогала мыть картошку, потом Яреци стала мыть дочь и пол, но было спокойно. А потом она стала переживать, что с Тору могло что-то случиться.

Она стояла у плиты и пыталась сдержать слёзы, который рвались наружу. Она боялась узнать правду. Что будет потом? Это же она виновата в том, что он изменил ей. Это она виновата, она не смогла сделать его счастливым. Она осталась для него всего лишь мечтой.

А потом Тору подошёл к ней и обнял её. Она сильно напряглась и закусил губу. Было страшно. Его разгоряченное тело возбуждало, его руки крепко её прижимали к себе. Она положила руку на его ладонь и слабо сжала.

Я не верю. Не верю. Не верю...

- Я верю, - спокойно сказала она и повернулась к нему. - Я верю, что ты... Я люблю тебя... - Прошептала она, стараясь не смотреть в его глаза. Ей всё ещё было страшно. Очень страшно. Но снова появилось что-то родное. Любимое. Она была счастлива с ним. Он был счастлив.

Тору Мотидзуки

Эти несколько секунд до того момента, как Яреци несильно сжала его руку, стали для Тору настоящим испытанием. Он понимал, что жена имеет полное право его оттолкнуть и посоветовать отправляться обнимать ту, чьими духами пропахла его рубашка. Но Яри не сделала этого, проявив готовность принять его со всеми сделанными ошибками, поэтому и ему следовало пересмотреть свое поведение, постаравшись вернуть в их отношения былое тепло.

- Яреци, посмотри на меня. - Она повернулась и сообщила о том, что верит его словам, но так и не решилась встретиться с ним взглядом, поэтому Тору не нашел ничего лучше, чем приподнять ее лицо за подбородок и заглянуть во все еще красные от слез глаза. - Я не вру. Я никогда тебе не врал.

Он постарался, чтобы его голос звучал твердо, хотя тот в конце все же дрогнул, выдавая эмоции, которые так и стремились выплеснуться наружу.

- И ты, и я - мы оба наделали ошибок. Но я больше не могу так жить. Не могу притворяться твоим соседом, а не мужем. Давай, попробуем начать все сначала.

Он хотел дать Яреци возможность высказаться, но, решив, что ее действия могут ответить лучше слов, наклонился и пока еще осторожно коснулся своими губами ее губ. И пусть последнее время он не испытывал привычную тягу к физической близости с женой, этого маленького действия вполне хватило, чтобы снова почувствовать желание к женщине, в свое время заставившей его забыть о разнице в возрасте и поддаться на ее удивительную прелесть.

Яреци Фернандез

Когда Тору попросил её заглянуть в его глаза она просто зажмурилась и побледнела. но потом он приподнял её голову за подбородок, и она осторожно посмотрела на него. Ей было страшно, она боялась, что снова что-то сделает не так. Она могла проникнуть в его сознание, она могла раскрошить его в щепки, уничтожить, выкопать все забытые воспоминания. Но она боялась. И понимала, что никогда не сможет спокойно смотреть на людей. А вдруг она не сможет сдержаться и причинит боль любимым и родным людям? Дарсии она уже причинила боль...

Она вздрогнула и снова открыла глаза. Заглянула в его глаза, всего на мгновение.

- Я верю тебе. Я знаю, что ты никогда не врешь. Я люблю тебя, просто, - сказала она очень грустным голосом, но потом он осторожно коснулся её губ, и девушка сильно напряглась. А потом будто что-то слетело, и она, вместо того, чтобы что-то говорить, стала его целовать. А руки обвили его шею. Длинные пальцы одной руки запустились в его волосы. А сердце стало прыгать где-то в горле. Она чувствовала, что счастлива. Она хотела быть счастливой. Она не хотела больше никого терять.

Тору Мотидзуки

Тору не знал, как Яреци отреагирует на его поцелуй, особенно после всей этой истории с его ночным появлением в непотребном виде, поэтому не удивился ее первой реакции. Он боялся, что девушка обвинит его в излишней похотливости и безразличии к ее чувствам, поэтому приготовился к любому ответу, надеясь, впрочем, на удачное разрешение так толком и не обсужденной проблемы. И последовавшим после недолгой заминки действиям любимой женщины суждено было превзойти все его даже самые смелые ожидания.

- Яреци, - хрипло произнес он, нечеловеческим усилием отрывая себя от очередного поцелуя. - Если все продолжится в том же духе, то, боюсь, я решу проверить кухонный стол на прочность. Хотя для начала я бы предпочел сходить в душ.

Ему не хотелось заниматься любовью с женой, когда, как ему казалось, в его кожу въелся запах другой женщины. Тору никогда не относил себя к людям высоких моральных качеств, по подобное поведение считал чем-то отвратительным, поэтому изо всех сил пытался унять возбуждение, решившее после осязательного перерыва взять свое и накрыть его с головы и до самых кончиков пальцев ног. А Яреци, похоже, собиралась сделать все, чтобы держать себя в руках становилось практически невозможно, продолжая заманивать его в свои сети искренней и неприкрытой страсти.

Яреци Фернандез

- Да, и протрезветь, - мягко сказала она, целуя его в щёку и смешно поморщившись, коснувшись губами его губ. подняла голову и смогла осторожно заглянуть в его глаза. - Прости. Я... мне... - было трудно не только подобрать слова, но и сформулировать свою мысль. Она никак не хотела формулироваться. - Я... - она вздохнула. - В общем, я тебе верю. Ты бы не смог до этого дойти...

Она отстранилась от него и вернулась к плите. Помешала макароны. Ей хотелось поговорить с ним, но она поняла, что если будет говорить с ним на тему того, что случилось, то снова попросит прощения, он снова её простит, хотя и не надо было, и они вернутся к тому, что было. Только уже будет словно какая-то трещина в их отношениях. Она хотела начать всё с чистого листа, хотя знала, что это уже невозможно. Надо постараться склеить то, что должно быть склеено.

Наверное, не стоит возвращаться к этим событиям, но она понимала, что и так, убежав от всего этого, она ничего не добьётся. Но она не хотела оправдываться. Она помнила почти всё, это жуткое слово "ненавижу" в миллиардный раз терзало её сознание. Эта истерика, которая случилась перед Джуном, тоже не была забыта. Перед Дарсией тоже чуть не случилась истерика, и девушка всё это помнила.

- Тору, ты... надень, пожалуйста, тот свитер, это наш с Кимико подарок тебе. Она сама выбирала. Я хочу убедиться, что этот цвет тебе подошёл, - бросила она, не поворачиваясь к нему и даже не замечая, здесь он или уже ушёл.

Тору Мотидзуки

Конечно, Тору не мог не согласиться с необходимостью привести себя в порядок и выветрить запах алкоголя, поскольку каких-то других последствий употребления горячительных напитков он не ощущал с того момента, как переступил порог квартиры. Но он то думал одно, а организм хотел совершенно другого, не позволяя ему переносить примирение с женой на неопределенный срок. И если Яреци была в состоянии легко и быстро переключиться с поцелуев на возню с какой-то там едой, не слишком актуальной с учетом позднего времени, то ему подобные подвиги пока оказались не по силам.

- Яри, я обязательно все надену, но немного позже. - Он снова подкрался сзади и выключил плиту, сводя на нет все старания девушки. - Я не голоден, да и для еды уже поздновато. Я все съем завтра, тем более, на работу мне можно будет не ходить.

Тору снова ее обнял, достаточно крепко, чтобы она на этот раз не имела возможности так легко разорвать кольцо его крепких рук, а затем вопросительно прошептал ей на ухо:

- Не хочешь помочь мне смыть с себя все лишнее?

Пришедшая в голову идея, показалась Тору более чем уместной. Он видел что-то символическое в омовении, позволяющем почувствовать некое обновление и в участии в этом процессе жены. Поэтому старательно убеждал себя в том, что его предложение вызвано высшей целью, а уж никак не желанием затащить Яреци с

собой в душ и продолжить то, от чего он несколько минут назад с таким трудом оторвался.

Яреци Фернандез

Когда из его уст прозвучало такое нежное и любимое обращение Яри, уже почти забытое, девушка разве что не запрыгала от счастья. Она уже хотела сама выключить плиту и послать к чёрту эту еду, что ему заботливо приготовила, ожидая, что он вечером также молча поест, перебросится с ней парой ничего не значащих фраз, а потом уйдёт спать в свою комнату, оставив её снова одну. И было очень прекрасно, что они оба одновременно начали менять ход времени и событий. Они постепенно мирились, и теперь девушке нужно было тщательно пересмотреть свою жизнь и своё отношение к любимым и дорогим людям.

- Если тебе не надо будет идти на работу завтра, то... может мы проведём день вместе, сходим куда-нибудь? Если ты... - Осторожно произнесла она, всё также боясь смотреть в его глаза. Она осеклась, понимая, что одно неосторожное слово может разрушить пока ещё хрупкий мир в их семье. Разрушить безвозвратно. Она прижалась к нему, уткнулась носом в любимую ямочку под ключицей, и прикрыла глаза.

- Если честно, то... да, я хочу тебе помочь помыться, - она всё-таки решилась заглянуть в его глаза. - Как в тот раз, помнишь? В тот день, когда я захотела поехать с тобой в Японию в качестве твоей невесты... Хотя... - Её глаза блеснули, а на лице появилась улыбка.

Она ничего не сказала и поцеловала его в губы.

Тору Мотидзуки

По тому, как Яреци к нему прижалась, Тору понял, что девушка и сама не горит желанием заниматься бессмысленной возней с его несостоявшимся ужином, и это его более чем устраивало. Сейчас он не был настроен на долгие непростые разговоры, поэтому предпочел бы отложить их, как минимум, до завтрашнего дня, когда у них появится возможность никуда не торопиться и спокойно обсудить все волнующие моменты.

- Давай сходим, почему нет. - На предложение жены Тору сразу ответил согласием. - Всей семьей мы давно никуда не выбирались.

Из-за работы и последних проблем он уже начал забывать о самых приятных моментах семейной жизни, напоминающих о причинах, по которым он, стоя перед священником, произносил клятвы со всей возможной искренностью, не сомневаясь в своем желании провести остаток своей жизни вместе с Яреци. И раз завтра у него, в кой-то веки, появлялся выходной, Тору планировал хоть как-то компенсировать потерянные недели.

- Конечно. Я все помню. Только сейчас все будет...

Договорить ему не дали, но Тору не стал сильно расстраиваться по этому поводу. Целовать Яреци ему хотелось намного больше, чем предаваться воспоминаниям,

поэтому, не тратя время на временно незначительные вещи, он потянул девушку в сторону душа, собираясь, самым что ни на есть наглым образом, воспользоваться ее согласием на водные процедуры.
